

УДК 177.7; 304; 316.6; 316.7

СОВРЕМЕННЫЕ АНАЛОГИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ*

© А. Е. Сериков

Сериков Андрей Евгеньевич
кандидат философских наук,
доцент
заведующий кафедрой
гуманитарных
и естественнонаучных
дисциплин
Самарская
гуманитарная академия
e-mail: aeserikov@mail.ru

Эмпирический материал, связанный с Чернобыльской катастрофой и захватом школы в Беслане, был проанализирован с целью описания функциональных аналогов человеческого жертвоприношения в современном российском обществе. Описаны неожиданная смерть людей в результате преступления или несчастного случая, неспособность общества предотвратить кризис, разделение общества на жертв и прочих участников событий, принуждение к самопожертвованию и оставление жертв в смертельной опасности, конструирование медийных версий происходящего и образов их участников, самопожертвование, встреча с трансцендентным, сакрализация жертв и героев, поиск и наказание жертв опущения, суд как ритуал осквернения, формирование и распределение жертвенного капитала, а также их возможные функции.

Ключевые слова: культура, общество, теория жертвоприношения, ритуал, потерпевший, жертва, жертвоприношение, приношение, убийство, теракт, суд, смертная казнь, Чернобыльская катастрофа, захват школы в Беслане.

Человеческое жертвоприношение как проблема антропологии

В 1871 г. Эдвард Тайлор предложил первое в истории антропологии теоретическое объяснение происхождения и эволюции жертвоприно-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ № 19 011 00872 «Философская антропология жертвы: сакрализация, управление, дизайн».

шения. Согласно Тайлору, оно появилось как ритуал человеческого дара богам, который затем превратился в ритуал почитания богов и выплаты им дани, а затем — в священное самоотречение (самопожертвование)¹. За прошедшие с тех пор полтора века было предложено еще около десятка других теорий религиозного жертвоприношения. Краткий перечень основных идей в этой области приводит в недавней статье Валерий Владимирович Савчук: жертвоприношение предлагалось понимать как причастие к священному, как способ периодического возрождения мира, как источник социальной солидарности, как средство сакральной коммуникации, как ядро интеллектуальной деятельности и практики культа, как расточительное пиршество и творчество посредством потери, как способ контроля над насилием². Наличие такого количества объяснений предполагает, что мы хорошо понимаем, почему жертва «стоит у истоков любой культуры»³, является условием любой культуры, почему люди не могут обойтись без жертвоприношений. Но действительно ли мы понимаем это? Гипотез много, но ни одна из них не является достаточно убедительной, чтобы обрести статус «стандартной теории». Проблема сугубо научных подходов заключается в том, что они сводят суть жертвоприношения к эмпирически наблюдаемым вещам, таким как структура ритуала или его социальные функции. Но ведь, помимо прочего, ритуал даёт человеку опыт трансцендентного. Проблема же собственно мифологических или религиозных объяснений заключается в том, что они не могут быть проверены эмпирически. Поэтому вопрос о том, производит ли ритуал жертвоприношения священное и богов или только открывает к ним доступ, остаётся без ответа. Бесспорно лишь одно: ритуал жертвоприношения — это культурная универсалия, потому что культур без этого ритуала не бывает. В этом контексте исследование современных аналогов жертвоприношения, как связанных с религией, так и выходящих за её рамки, может не просто опираться на существующие антропологические теории, но и стать источником их дальнейшего развития. Допустим, мы сможем детально описать, как именно современные аналоги древних ритуалов реализуют свои функции. Тогда мы сможем не только лучше понять современную культуру и современного человека, но и то, каким именно образом древний ритуал мог стать прецедентом «любой производственно-экономической, духовно-религиозной и общественной деятельности»⁴.

Одна из трудностей современной антропологической теории состоит в том, чтобы в полной мере осмыслить жертвоприношение как насилие и ту

¹ *Tylor E. B. Primitive Culture: Researches Into the Development of Mythology, Philosophy, Religion, Art, and Custom (1871). 6-th edition. In 2 volumes. Vol. 2. London, 1920. Chapter XVIII. Rites and ceremonies. P. 375–409. URL: <http://www.tbm100.org/Lib/Tyl20PC2.pdf> (дата обращения: 20.10.19).*

² *Савчук В. В. Жертва настоящего времени // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 4 (29). С. 8–9.*

³ Там же.

⁴ *Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / сост. Л. Ш. Рожанский. М. : Наука, 1988. С. 16.*

особую роль, которую играет в культуре именно человеческое жертвоприношение. Явное физическое насилие в культуре развитых стран всё больше табуируется, а гипотезы, предполагающие неизбежность человеческого жертвоприношения вытесняются на периферию научного мышления. Например, в современной англоязычной «Энциклопедии религиозных обрядов, ритуалов и праздников» можно прочесть, что «основное различие между жертвоприношением и приношением состоит в том, что в ходе жертвоприношения убивают животное, а при приношении уничтожается или потребляется растение, еда или неодушевленный объект»⁵. При этом человеческое жертвоприношение не упоминается вообще.

Начало данной тенденции можно обнаружить уже в «Очерке о природе и функции жертвоприношения» (1899) Марселя Мосса и Анри Юбера. Они подчеркивают, что жертвоприношением можно считать не только кровавое жертвоприношение, как это принято, но любой ритуал, в котором освящение жертвы приводит к изменению статуса участников ритуала. То есть жертвоприношение — это не только жертвоприношение людей или животных, но и приношение растений, а также воскурение и возлияние напитков. Обосновывая эту точку зрения, Мосс и Юбер пишут, что возлияния в Древней Греции классифицировали «так же, как и настоящие жертвоприношения»⁶. На мой взгляд, это хорошая иллюстрация того, что есть жертвоприношения «настоящие», т. е. прототипические, по поводу которых ничего доказывать не требуется, а есть такие, отнесение которых к жертвоприношениям еще требуется обосновать. Первые — это ритуальные убийства человека или животных. Вторые — это ритуальные приношения, воскурения и возлияния. В наше время распространяется мысль о том, что именно последние могут быть основой религиозной практики, поскольку первые недопустимо жестоки. Например, Катрин МакКлаймонд считает, что роль кровопролития и насилия в теории жертвоприношения сильно преувеличена и, вообще, главное не в том, кто или что именно приносится в жертву, а в самой форме ритуальных действий⁷. Но так ли это? Действительно ли реальная пролитая кровь и реальная смерть не имеют значения? Сможет ли символическое замещение крови и плоти работать, если настоящая кровь время от времени не будет проливаться? Не превратится ли символическое жертвоприношение в «просто ритуал», не достигающий своих целей?

Эта ситуация — когда роль насилия в теории жертвоприношения, по мнению одних, преувеличена, а по мнению других, недооценена — объясняет, почему современные исследователи вновь и вновь обращаются к книгам Рене

⁵ Sacrifice and Offerings // The Encyclopedia of Religious Rites, Rituals, and Festivals / Ed. by Frank A. Salamone. New York, London: Routledge, 2004. P. 379.

⁶ Мосс М., Юбер А. Очерк о природе и функции жертвоприношения // Социальные функции священного / М. Мосс ; пер. с фр. под ред. И. В. Утехина. СПб. : Евразия, 2000. С. 18. URL: <https://docplayer.ru/46897712-Marsel-socialnye-funkcii-svyashchennogo.html> (дата обращения: 21.10.19).

⁷ McClymond K. Beyond sacred violence : a comparative study of sacrifice. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2008. 216 p.

Жирара «Насилие и священное» (1972) и «Козёл отпущения» (1982). Основные его идеи заключаются в следующем: учредительный акт насилия перенаправляет агрессию жертвенного кризиса на жертву отпущения, которую сначала считают виновной в кризисе, а затем сакрализуют; последующие жертвоприношения воспроизводят учредительный акт насилия, перенаправляя агрессию и воспроизводя сакральное; праздники и праздничное стирание различий — это поминание жертвенного кризиса; в современном обществе бесконечная цепочка кровной мести останавливается не жертвоприношением, а наказанием по решению суда, поэтому в современном обществе жертвоприношение не играет столь важной роли, как в архаическом⁸; особенность христианских ритуалов и христианской культуры — в осознании невинности того, кто в учредительном акте насилия был избран жертвой отпущения⁹.

Невозможно согласиться со всеми выводами Жирара. Например, я считаю неправильным сводить религию к её социальным функциям и утверждать, что «объект религии — механизм жертвы отпущения; её функция — сохранять или возобновлять эффекты работы этого механизма, то есть удерживать насилие за пределами общины»¹⁰. На мой взгляд, не совсем корректно объяснять веру в священное, в нематериальность сознания, в бессмертие души и возможность её спасения только лишь тем, что религиозные ритуалы избавляют нас от взаимного насилия. Как минимум, следует признать, что жертвоприношение выводит нас за пределы обыденности, позволяет «получить опыт переживания уникального, связанного с размыканием привычных состояний и обретением непосредственного переживания сакрального или, иными словами, опыт встречи с трансцендентным»¹¹. Трудно согласиться с сведением праздника к поминанию жертвенных кризисов, поскольку участие в праздничных ритуалах приобщает к непосредственному переживанию социального единства и формированию того, что Виктор Тэрнер называл «коммунитас», «чтобы выделить эту модальность социальных отношений из “сферы обыденной жизни”»¹². Также неверно, что без воздействия жертвоприношения внутренняя агрессия уничтожила бы любое примитивное сообщество. Если бы Жирар был в этом прав, не существовало бы примитивных сообществ приматов и других социальных животных, у которых существует внутривидовая агрессия, но нет ритуалов жертвоприношения.

Тем не менее, Жирар однозначно рассматривал именно человеческую жертву отпущения в качестве учредительного события для всех последующих жертвоприношений. Говоря другими словами, именно *человеческое жертвоприношение* в теории Жирара является *прототипом жертвоприношения вообще*. На мой взгляд, с этим нельзя не согласиться. Только этот тезис позволяет

⁸ Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.

⁹ Жирар Р. Козёл отпущения / пер. с фр. Г. Дашевского ; предисл. А. Эткинда. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.

¹⁰ Жирар Р. Насилие и священное. С. 124.

¹¹ Савчук В. В. Жертва настоящего времени. С. 17.

¹² Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и предисл. В. А. Бейлис. М. : Наука, 1983. С. 170.

продвинуться дальше в объяснении универсальности и странной притягательности публичного насилия одного человека над другим, в неискоренимости этого явления.

Судя по всему, Жирар надеялся, что человечество рано или поздно откажется от насилия и принесения в жертву невинных. Возможно, именно в этом он видел основную функцию жертвоприношения и переосмысления учредительного насилия в христианстве. То есть Жирар честно пишет о ключевой роли насилия над человеком в происхождении жертвоприношения, но выражает типичную для европейцев надежду, что в современном обществе насилия становится меньше и культура в принципе может обойтись без человеческих жертвоприношений. Чтобы понять, насколько стандартным является подобное мнение, можно сослаться на статью о человеческом жертвоприношении в «Энциклопедии Британника»: «Жертвоприношение людей Богу хорошо подтверждено только лишь в некоторых культурах. <...> Осуждение человеческого жертвоприношения и в древности, и в современности было распространено намного шире, чем сама эта ритуальная практика»¹³.

Однако с такой оценкой распространённости и роли человеческого жертвоприношения согласны далеко не все современные антропологи. Например, Дэвид Карраско пишет, что «все значительные теории ритуального жертвоприношения от Робертсона Смита до Анри Юбера и Мосса, Вильгельма Шмидта, Альфреда Йенсена, Рене Жирара, Уолтера Буркерта, Дж. З. Смита и Роберта Хамертона-Келли игнорировали, за редким исключением, наиболее полные данные о реальных, исторических человеческих жертвоприношениях в Мезоамерике, предпочитая интерпретировать данные о жертвоприношениях животных или литературные сообщения о человеческих жертвоприношениях в западной классике»¹⁴. Новейшие археологические данные о жертвоприношениях у ацтеков, пишет Карраско, не позволяют сделать вывод, что в этой культуре человеческое жертвоприношение эволюционировало в сторону уменьшения насилия. Можно предположить, что и теорию Жирара данные о жертвоприношениях у ацтеков подрывают в том смысле, что массовость этих жертвоприношений нельзя объяснить перенаправленной агрессией, функция которой в избегании массового насилия. Видимо, у ацтеков насилие было чем-то вроде самоцели. Не факт, что жертвоприношения ацтеков уменьшали его количество в обществе. А значит нужно понять, в чем же был смысл пролития такого количества крови. «В то время как все мы можем заявлять, что мы определённо против человеческих жертвоприношений, разнообразие способов изобретения людьми во всех уголках земного шара новых способов пыток, убийства и человеческого жертвоприношения приводит к вопросу: что

¹³ Human sacrifice // Encyclopaedia Britannica. Aug 26, 2019. URL: <https://www.britannica.com/topic/human-sacrifice> (дата обращения: 19.10.19).

¹⁴ Carrasco David. 2013. Sacrifice/Human Sacrifice in Religious Traditions // The Oxford Handbook of Religion and Violence / eds. Mark Juergensmeyer, Margo Kitts, and Michael Jerryson. — Oxford and New York: Oxford University Press, 2013. P. 216. URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/34814073/Carrasco_Sacrifice1%20%282%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 19.10.19).

следует из замещения официальных ритуалов человеческого жертвоприношения в христианской, индуистской и китайской традициях? Имело ли это изменение какое-нибудь существенное влияние на уменьшение ритуального или другого насилия одних людей против других? Или реально изменились только теологические учения и многообещающие истории, рассказываемые нами друг другу о самих себе, наших культурах и наших надеждах на гуманность? Действительно ли эти вдохновляющие истории делают общества менее жестокими?»¹⁵

Вопрос об элементах жертвоприношения и их функциональных аналогах

Итак, если человеческое жертвоприношение является прототипом жертвоприношения вообще, не является ли именно человеческое жертвоприношение условием культуры? В этом контексте можно поставить вопросы и о современном нам обществе: в какой форме в нём существует человеческое жертвоприношение и его аналоги, как они устроены и каким образом они выполняют свою функцию воссоздания основ культуры и общества?

Частичный ответ на этот вопрос состоит в указании на важнейшую роль самопожертвования в современном обществе. Ранее я уже высказывал гипотезу о том, что прототипом современного жертвоприношения является архаическое ритуальное самоубийство. В качестве ритуальной символической подготовки к самопожертвованию можно рассматривать проводы в армию, принятие воинской присяги, а в случае с женщинами — свадебный ритуал¹⁶. В современных условиях, когда принесение в жертву других осуждается, самопожертвование остаётся одним из важнейших источников социальной солидарности и моральных ценностей¹⁷. Ситуация самопожертвования является типичной для русской культуры¹⁸, для русскоязычной и англоязычной языковых картин мира¹⁹. Видимо, аналогичным образом дело обстоит и в других культурах. Кроме того, согласно В. В. Савчуку, занятия экстремальными видами спорта также можно рассматривать как современную форму самопожертвования²⁰.

¹⁵ Там же. Р. 223–224.

¹⁶ Сериков А. Е. Ритуальное самоубийство как прототип самопожертвования // *Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам* : материалы Всерос. конф. с иностранным участием. Самара, 12-14 сентября 2017 года / под общ. ред. М. А. Корецкой. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2017; Сериков А. Е. Историческая трансформация смыслов самопожертвования // *История. Семиотика. Культура* : сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием / отв.ред. И. В. Демин. Самара : Сам. гуманитар. акад., 2017. С. 104–112.

¹⁷ Сериков А. Е. Смыслы самопожертвования и его прототипы в традиционной культуре // *Международный журнал исследований культуры*. 2017. № 4 (29). С. 104–112.

¹⁸ Сериков А. Е. Состояния и обстоятельства самопожертвования, описанные в русской литературе XIX-XXI вв. // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*. 2017. № 2 (22). С. 31–42.

¹⁹ Сериков А. Е. Значение слов victim и sacrifice и возможные способы трансформации образов пострадавших в образы сакральных жертв (на материале параллельного английского подкорпуса НКРЯ) // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*. 2019. № 1 (25). С. 55–72.

²⁰ Савчук В. В. Жертва настоящего времени. С. 6–17.

Присутствует ли в современном нам обществе человеческое жертвоприношение в каком-либо ещё виде, кроме самопожертвования? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует обратиться к некоторым методологическим идеям.

Во-первых, методологически важным является вывод Мосса и Юбера о том, что *единство разных форм жертвоприношения заключено не в их целях, а в общей структуре ритуала*. «Все дело в том, что в основе, при всем многообразии форм, в которые жертвоприношение облекается, это всегда одна и та же процедура, которую можно применять для достижения самых разных целей. Эта процедура состоит в установлении связи между сакральным и профанным миром посредством жертвы, то есть предмета, уничтожаемого в ходе церемонии»²¹. Эта процедура включает три основные части: 1) входные ритуалы сакрализации жреца, жертвы, места и орудий жертвоприношения; 2) убийство и/или уничтожение жертвы; 3) десакрализация участников ритуала. «По сути, это общая основа, на которой строятся более специальные виды жертвоприношений. В зависимости от цели и функции ритуала его части могут по-разному соотноситься между собой и иначе располагаться: какие-то могут приобретать большее значение в ущерб другим, иные — даже исчезать совсем. Это ведет к разнообразию жертвоприношений, но принципиальных отличий между различными комбинациями элементов нет»²². Такой подход позволяет задать вопросы о том, какие элементы жертвоприношения и их комбинации встречаются в современном мире, каковы их цели и функции.

Во-вторых, нельзя забывать про предложенное Робертом Мертоном различие между *явными* и *латентными* функциями: «первые относятся к тем объективным последствиям для определённой единицы (человека, подгруппы, социальной или культурной системы), которые способствуют регуляции или адаптации и для этого и предназначались; вторые относятся к непреднамеренным и неосознанным последствиям того же порядка»²³. У религиозных ритуалов жертвоприношения есть декларируемые цели — это их явные функции. Но такие функции жертвоприношения, как перенаправление агрессии или производство моральных ценностей, могут не осознаваться его организаторами и участниками — это латентные функции. Кроме того, следует помнить об идее Мертона, которую он называл главной теоремой функционального анализа: *«точно так же, как один и тот же элемент может иметь многочисленные функции, так и одну и ту же функцию могут разнообразно выполнять альтернативные элементы»*²⁴. Эти элементы Мертон называет функциональными альтернативами, или функциональными эквивалентами, или функциональными заменителями. Я думаю, что в контексте идей Мосса, Юбера и Мертона можно говорить о *функциональных аналогах жертвоприношения*.

²¹ Мосс М., Юбер А. Очерк о природе и функции жертвоприношения. С. 100.

²² Там же. С. 61.

²³ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон; пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Р. Черемисиновой. М. : АСТ : Хранитель, 2006. С. 161.

²⁴ Там же. С. 123.

Неявные функции аналогов жертвоприношения могут быть в буквальном смысле слова неосознаваемыми, потому что про их существование никто не догадывается. Но они могут быть неосознаваемыми и в том смысле, что польза от человеческой смерти может вытесняться в бессознательное, поскольку о ней не принято говорить из-за её аморального характера, из-за того, что польза для одних людей связана со страданием других. Например, тела жертв можно использовать в качестве товара, «который может быть продан, заменен, утрачен»²⁵ не только в фантастических, но и во вполне реальных ситуациях. Все знают, что основной источник органов для трансплантации — тела погибших, но никто не говорит вслух, что смерть одних людей полезна для продления жизни других. С этой точки зрения следует различать и описывать 1) явные декларируемые цели каких-либо действий, имеющих отношение к жертвам; 2) молча подразумеваемые, но не декларируемые цели таких действий; 3) ненамеренные последствия таких действий.

В-третьих, независимо от того, насколько оправданными являются некоторые гипотезы Жирара, нельзя не признать, что он убедительно демонстрирует существование *тесной связи между обычным преступным насилием, судом и наказанием преступника, насилием над козлом отпущения, священным жертвоприношением и производством сакрального, между осквернением козла отпущения и очищением сакральной жертвы*. Несомненно, что эти элементы присутствуют в жизни и ритуалах не только традиционных, но и современных обществ. Следовательно мы может задать вопрос: *не составляют ли в современных обществах некоторые из этих элементов новые комбинации, аналогичные традиционному жертвоприношению по своим функциям?*

В-четвёртых, хотя Мосс и Юбер понимают, что «чистое и нечистое — это не взаимоисключающие противоположности»²⁶, в их описании элементы сакрализации — это всегда элементы очищения. Видимо, это связано с тем, что Мосс и Юбер анализируют индийские и иудейские ритуалы, а также иногда приводят примеры древнегреческих и древнеримских ритуалов. Жирар же показывает, что входные ритуалы могут быть также ритуалами осквернения. Ссылаясь на Люка де Гёша, Яна Вансину, Луиса де Лагера, Элин Дженсен Крайдж, он описывает ритуальное осквернение африканских королей как важнейшую часть коронаций, церемоний омоложения и жертвоприношения короля. Кроме того, в теории Жирара проводится различие между учредительной жертвой отпущения, которая всегда воспринимается гонителями как осквернённая и виновная в кризисе, и последующими жертвами ритуальных жертвоприношений, которые чаще всего воспринимаются невинными и проходят очистительные обряды. Из этого следует два методологических вывода: 1) ритуальная жертва *не всегда невинна и чиста*, она может быть *осквернена и виновна*, а элементами жертвоприношения могут быть ритуалы не только

²⁵ Иваненко Е. А. Характеристики «жертвенного тела» в горизонте биополитики и ин-формационных технологий (на материале современных фантастических блокбастеров) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2019. № 1 (25). С. 40.

²⁶ Мосс М., Юбер А. Очерк о природе и функции жертвоприношения. С. 68.

очищения, но и осквернения; 2) необходимо различать понятия *жертвы отпущения* и *жертвы жертвоприношения*, референты которых в качестве участников современных ритуалов могут совпадать, но могут оказаться и разными людьми.

В-пятых, важно различать *жертвы-пострадавшие*, с одной стороны, и *сакральные жертвы жертвоприношения*, с другой. Провести эту семантическую границу иногда бывает нелегко, особенно в русском языке, где есть одно общее слово — «жертва». Даже в английском языке, где этим двум типам жертв обычно соответствуют два разных слова — «victim» и «sacrifice», бывают ситуации, когда значения данных слов пересекаются. Кроме того, жертвы-пострадавшие могут трансформироваться в жертвы отпущений и жертвоприношений. Поэтому одна из важнейших задач и виктимологии, и теории современного жертвоприношения заключается в том, чтобы показать, как именно эта трансформация может происходить.

Опираясь на вышесказанное, я предполагаю, что *в современном обществе элементы жертвоприношения могут быть разнесены во времени и пространстве, а также быть реализованы в различном порядке*. Итоговую комбинацию элементов, возможно, нельзя назвать жертвоприношением в строгом смысле этого слова, но в качестве *аналога жертвоприношения* она может реализовать его функции.

Аналоги элементов жертвоприношения во время бедствий в Чернобыле и Беслане

Далее я собираюсь проанализировать, из каких элементов состояли события, связанные с аварией на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и терактом в Беслане в 2004 г. Почему именно они? Потому что Чернобыль был самой значительной техногенной катастрофой в истории человечества, а произошла эта катастрофа на территории нашей бывшей страны. На территориях, загрязнённых в 1986 г. чернобыльскими радионуклидами, проживало около 400 млн человек; на территории Беларуси, Украины и России в настоящее время «живут в условиях дополнительного хронического низкоуровневого радиоактивного загрязнения около 5 млн человек»²⁷; смертность вследствие радиоактивного загрязнения на территориях Беларуси, Украины и России предположительно увеличилась «на ~3,75% за первые 15-17 лет после Катастрофы (около 237 тыс. человек). <...> общая “чернобыльская” смертность за первые 20 лет после Катастрофы могла составить в остальной Европе ~ 460 тыс., в Азии, Африке и Северной Америке — ~ 330 тыс., и во всем мире — ~ 1 млн человек»²⁸. «Всего в российском национальном радиационном и эпидемиологическом Регистре зарегистрировано более 638 тысяч человек. <...> Из зарегистрированных людей 187 тысяч находятся в статусе ликвидаторов, а 389 тысяч — жители территорий, подвергшихся наибольшему загрязнению радионуклидами (Брянская, Калуж-

²⁷ Яблоков А. В., Нестеренко В. Б., Нестеренко А. В., Преображенская Н. Е. Чернобыль: последствия Катастрофы для человека и природы. 6-е изд-е, доп. и перераб. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 689. URL: https://www.yabloko.ru/files/chern_8_vsya_kniga_25_marta.pdf (дата обращения: 08.11.19).

²⁸ Там же. С. 694.

ская, Тульская и Орловская области). За прошедшие десятилетия лучевая болезнь была выявлена у 134 человек, находившихся на аварийном блоке ЧАЭС в первые сутки. Из них 28 погибли в течение нескольких месяцев после аварии (27 в России), 20 умерли по разным причинам в течение 20 лет»²⁹. Захват заложников в Беслане был самым крупным терактом в истории России (не менее 1116 заложников по одной версии³⁰, 1128 — по другой³¹, 332 погибших³²), при этом большинство заложников и погибших были детьми, вследствие чего эта трагедия имеет особое прототипическое значение. Для моих целей существенным было и то, что в 2019 г. были изданы расширенная версия книги Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва» и книга Ольги Алленовой «Форпост. Беслан и его заложники». Обе книги содержат документальный материал, указывающий на поразительную общность многих элементов этих совершенно разных, на первый взгляд, бедствий. (В современной англоязычной литературе «disaster» может обозначать и природный катаклизм, и технологическую катастрофу, и теракт³³. Аналогично, я буду использовать слово «бедствие» в качестве обобщающего термина для событий и в Чернобыле, и в Беслане.)

Итак, какие элементы предполагаемых функциональных аналогов человеческого жертвоприношения можно обнаружить в событиях, связанных с Чернобылем и Бесланом?

1. Неожиданная смерть людей в результате преступления или несчастного случая.

В самом начале анализируемых событий — во время взрыва и последующего пожара на Чернобыльской АЭС и в момент захвата террористами школы — погибло несколько человек. Во время катастрофы в Чернобыле 2 человека погибли непосредственно из-за взрыва и ещё несколько человек скончались в течение месяца от ожогов и острой лучевой болезни. Среди них были по-

²⁹ Резниченко А. Чернобыль: ложь и правда спустя 30 лет. Первый замдиректора Института проблем безопасного развития атомной энергетики РАН Рафаэль Арутюнян рассказал РИА Новости о мифах, сложившихся вокруг Чернобыльской АЭС // РИА Новости. 22.04.2016. URL: <https://ria.ru/20160422/1416978532.html> (дата обращения: 08.11.19).

³⁰ Список заложников, находившихся в школе № 1 г. Беслана 1-3 сентября 2004 года // Беслан. Три года спустя... 1.09 — 3.09. 2004 г. Сборник материалов: факты, цифры, комментарии... / Ред. С. Кесаев ; автор-сост. И. Тотоонти. Владикавказ, 2007. URL: http://www.pravdabeslana.ru/trigoda/spisok_z.htm (дата обращения: 08.11.19).

³¹ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. М. : Индивидуум, 2019. С. 134.

³² Доклад Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств совершения террористического акта в городе Беслане Республики Северная Осетия – Алания 1-3 сентября 2004 года. Москва, 2006. С. 169. // Правда Беслана. Сайт общественного расследования событий в Беслане. URL: <http://pravdabeslana.ru/dokladtorshina221206.pdf> (дата обращения: 08.11.19).

³³ Waugh W. L. Jr. Terrorism as Disaster // Handbook of Disaster Research / Ed. by Rodriguez H., Quarantelli E.L., Dynes R. - New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2007. P. 388–404. URL: https://zodml.org/sites/default/files/%5BHAVIDAN_Rodriguez%2C_Enrico_L_Quarantelli%2C_Russell_0.pdf (дата обращения: 05.11.2019).

жарники, которые в ночь катастрофы выехали по тревоге без специальных средств защиты, как на тушение обычного пожара. В Беслане 2 человека были убиты террористами непосредственно во время захвата школы. В каком-то смысле *этих смертей нельзя было избежать*, если не говорить про недочёты в проектировании, строительстве и эксплуатации атомной станции и про безответственность тех работников силовых ведомств, которые допустили беспрепятственный проезд террористов к школе. Это смерти, которые условно можно назвать *неожиданными*, поскольку их никто (кроме, может быть, самих террористов) не ждал и специально не планировал. Эти смерти аналогичны смертям людей во время несчастных случаев.

2. Неспособность общества предотвратить кризис.

Сам факт, что такие бедствия произошли, демонстрирует некую фундаментальную уязвимость современного общества перед периодическими кризисами — аналогами тех кризисов в архаическом обществе, которые Жирар называл «жертвенными». С одной стороны, накануне бедствий *присутствовало понимание возможности того, что кризис может произойти, и на организационном уровне приняты решения, призванные его не допустить или минимизировать его последствия*. С другой стороны, почти все эти решения оказались неэффективными в момент, когда кризис всё-таки наступил. «На каждой атомной станции в бывшем Союзе лежал план ликвидации аварии. Типовой план. Секретный. Без такого плана нельзя было получить разрешение на пуск станции. За много лет до аварии его разработали именно на примере чернобыльской станции: что делать и как. Кто за что отвечает. Где находится. До мельчайших подробностей...»³⁴ Итак, был подробный план действий во время предполагаемой аварии на Чернобыльской АЭС или другой станции такого же типа, но во время реальной аварии никто не действовал в соответствии с этим планом. Аналогичной была ситуация с контртеррористическими мероприятиями на Северном Кавказе в 2004 г. Сами по себе теракты в начале 2000-х происходили в России регулярно, примерно по десятку в год. За неделю до Беслана, 24 августа 2004 г. террористки-смертницы взорвали в воздухе два самолета, в результате чего погибли 90 человек; за день до Беслана, 31 августа террористка-смертница привела в действие взрывное устройство в Москве, в результате чего погибло 9 и было ранено 50 человек. В этих условиях службы, отвечающие за безопасность государства, не могли не разрабатывать планы предотвращения терактов, особенно на Кавказе, где фактически шла война. Для Северной Осетии «был определен план действий на случай теракта, и в соответствии с этим планом руководителем оперативного штаба назначался президент республики, а заместителем — начальник ГрОУ МВД России по Республике Северная Осетия — Алания. Эта служба была создана в республике 2 августа 2004 года, и возглавлял её полковник Цыбань»³⁵. «ФСБ знала о готовящемся теракте <...> 24 августа глава регионального МВД Казбек Дзантиев подписал приказ о проведении сотрудниками РОВД Правобережного района

³⁴ Алексеевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. М. : Время, 2019. С.239.

³⁵ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 202.

антитеррористических мероприятий. В нём, в частности, говорилось и о необходимости усилить меры безопасности к 1 сентября. Тогда же личный состав МВД перевели в усиленный режим. Однако 1 сентября возле школы № 1 не было не только усиленного наряда милиции, но и вообще никакого»³⁶. Когда у школы раздались выстрелы и местные милиционеры побежали туда, они были недостаточно хорошо вооружены. «У нас по одному рожку к автоматам было. Если бы рядом было подразделение в 30-40 человек, обученное, грамотное, мы бы в первый же час освободили школу. Они же не сразу зал заминировали. Когда подъехал наш Владикавказский ОМОН, у них был один бронежилет на двоих. И никаких средств наблюдения»³⁷.

3. Разделение общества на жертв и прочих участников событий.

И авария, и теракт *разделили общество на несколько групп с разными эмоциональными состояниями, интересами, целями и формируемыми образами происходящего*. В этом можно усмотреть аналогию с разделением общества на жертву, жрецов и прочих участников ритуала во время традиционного жертвоприношения. Основные образовавшиеся после бедствия группы были следующие:

- жертвы и их близкие;
- преступники и прочие, кто был виноват и кого обвиняли в возникновении кризиса;
- спасатели, непосредственно жертвовавшие собой;
- представители государства, решающие вопросы по преодолению кризиса и нормализации обстановки;
- люди, сострадающие жертвам и их близким, активно помогающие им психологически и материально;
- мародёры и прочие, кто пытался нажиться на кризисе;
- все остальные.

Самое глубокое, с психологической точки зрения, разделение произошло между пострадавшими, их близкими и сочувствующими, с одной стороны, и всеми остальными людьми, непосредственно не пострадавшими в бедствии, с другой. Пострадавшие Чернобыля иногда чувствовали себя отверженными в буквальном смысле этого слова. Приведу несколько отрывков из их рассказов. «У меня есть жених <...> Он привёл меня в дом, познакомил меня со своей мамой... <...> Вот эта хорошая мама, когда узнала, что я из чернобыльской семьи, из переселенцев, удивилась: “Милочка, разве вы сможете родить?” У нас — заявление в загсе... Он умоляет: “Я уйду из дома. Снимем квартиру”. А у меня в ушах: “Милочка, для некоторых существует грех деторождения”. Грех любить...»³⁸ «Мир разделился: есть мы — чернобыльцы и есть вы, все другие люди»³⁹. «Автобус, в котором мы ехали, остановился на ночь в какой-то деревне. <...> И одна женщина пригласила нас к себе: “Идёмте, я постелю на кровати. Жалко вашего мальчика”. А другая, которая стояла рядом, оттаскивала её от нас: “Ты с ума сошла! Они — заразные”. Когда мы уже переселились в

³⁶ Там же. С. 196.

³⁷ Там же. С. 77.

³⁸ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 139.

Могилёв и сын пошёл в школу, в первый же день он влетел в дом с плачем... Его посадили вместе с девочкой, а та не хочет, потому что он радиационный, и если с ним сидеть, то можно умереть»⁴⁰. «Могли бы уехать отсюда, но поразмыслили с мужем и отказались. Боимся других людей. А тут мы все — чернобыльцы. Не пугаемся друг друга, если кто-то угощает яблоками или огурцами из своего сада и огорода, берём их и едим, а не прячем стыдливо в карман, сумочку, чтобы потом выбросить. Мы — с одной памятью, с одинаковой судьбой... А везде, в любом другом месте, мы чужие. Косятся на нас с опаскою...»⁴¹ «Мне двенадцать лет... Я всё время дома, я — инвалид. <...> Девочки в классе, когда узнали, что у меня рак крови, боялись со мной сидеть. Дотронуться»⁴².

Люди в Беслане также чувствовали себя отделёнными от остального мира. Например, 6 сентября 2004 г. под сильным ливнем одновременно хоронили около 100 человек, ливень размывал землю, её не хватало, чтобы засыпать могилы, и родственники умерших носили землю с других участков за кладбищем, все чёрные от земли. Один из них вспоминает, что случайно наткнулся на проходящий недалеко от кладбища митинг: «Я не сразу понял, что это. Увидел Дзасохова в белой рубашке. То есть он был в тёмном костюме, но бросался в глаза этот белый воротничок. Они казались как будто из другого мира»⁴³.

4. Принуждение к самопожертвованию и оставление жертв в смертельной опасности.

Как бы много ни было пострадавших и их близких, они всё равно составляли *меньшинство* по сравнению с населением страны в целом. Поэтому *их интересы и их доверие государству могли быть принесены в жертву ради решения стратегических государственных задач*, таких как сохранение спокойствия в стране в целом, продолжение функционирования экономики, уничтожение террористов и угрозы их дальнейшей деятельности в будущем, осуществление запланированных политических реформ. При этом речь идёт, в том числе, и о *жертвах человеческими жизнями в буквальном смысле этого слова*. Руководителями принимались сознательные решения пожертвовать спасателями и заложниками для предотвращения возможных ещё больших жертв в будущем — чтобы ликвидировать последствия аварии и не допустить более масштабной аварии и чтобы не переговариваться, не договариваться с террористами и избежать повода для будущих подобных терактов.

Во время ликвидации последствий аварии на ЧАЭС человеческие потери планировались, как во время военной операции: «На заседаниях правительственной комиссии просто, буднично докладывалось: “На это надо положить две-три жизни. А на это — одну жизнь”»⁴⁴. Формально жертвовали добровольцами из военнослужащих, т. е. людей, сначала *принявших присягу*, а затем

³⁹ Там же. С. 160.

⁴⁰ Там же. С. 227.

⁴¹ Там же. С. 272.

⁴² Там же. С. 326.

⁴³ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 83.

⁴⁴ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 208.

выразивших добровольное желание рискнуть здоровьем и жизнью ради выполнения своей задачи. Эти процедуры можно рассматривать в качестве аналогов входных ритуалов отбора и очищения жертвы во время жертвоприношения. Но в данном случае важно, что кроме реальных добровольцев — а таких было немало — в ликвидации участвовали и те, кого *вынудили* это делать вопреки их желанию. Кроме того, ни добровольцы, ни вынужденные ликвидаторы *не были обеспечены необходимыми средствами безопасности*. «Советский Союз послал на место катастрофы 800 тысяч солдат срочной службы и призванных на службу ликвидаторов, средний возраст последних был 33 года. А мальчишек взяли служить в армию сразу после школы...»⁴⁵ «Один парень, кажется из Ленинграда, запротестовал: “Я хочу жить”. Ему пригрозили трибуналом. Командир так и сказал перед строем: “В тюрьму или под расстрел пойдёшь”. У меня были другие чувства. Всё наоборот. Хотелось чего-то героического»⁴⁶. Запасников срочно вызывали на военные сборы: «Забрали у нас гражданские документы, военные билеты и посадили в автобусы. <...> “Братцы! А если в Чернобыль?!” — догадался кто-то. Команда: “Замолчать! За паникёрские настроения — военный трибунал по законам военного времени”. Через полчаса объяснение: “Мы находимся на военном положении. Никаких лишних разговорчиков! Кто оставит Родину в беде — тот предатель”»⁴⁷. «Вдруг приходят, вручают повестку и говорят, что внизу уже ждёт машина. Такой “воронок” специальный. Как в тридцать седьмом году... Брали по ночам. С постели, тёпленьких. Потом эта схема перестала работать: жёны не открывали двери или врали, что мужья в командировке, на курорте, в деревне у родителей. Им пытались вручить повестки, но они не брали. Начали хватать людей на работе, на улице, во время обеденного перерыва в заводских столовых»⁴⁸. «Всего на ликвидацию последствий аварии было брошено двести десять воинских частей, около трехсот сорока тысяч военнослужащих. Самое пекло досталось тем, кто чистил крышу... Им выдавали свинцовые фартуки, но фон шёл снизу, а там человек был неприкрыт. Они — в обыкновенных кирзовых сапогах... В день по полторы-две минуты на крыше... А потом их увольняли из армии, давали грамоту и премию — сто рублей»⁴⁹. «Перед тем, как нам выходить на реактор, командир инструктирует... Строй стоит... Несколько ребят взбунтовались: “Мы уже там были, нас домой должны отправить”. <...> Командир: “У нас на крышу пойдут добровольцы, остальные шаг из строя, с вами проведёт беседу прокурор”. Ну, эти ребята постояли, посоветовались и согласились. Присягу принимал, значит, должен, знамя целовал... На колено перед знаменем становился...»⁵⁰

Но кроме военных, дававших присягу, вынуждали жертвовать своим здоровьем и гражданских лиц. Рассказывает школьная учительница: «Выясни-

⁴⁵ Там же. С. 8.

⁴⁶ Там же. С. 92—93.

⁴⁷ Там же. С. 108—109.

⁴⁸ Там же. С. 119.

⁴⁹ Там же. С. 204.

⁵⁰ Там же. С. 270.

лось: мы должны снять верхний заражённый слой земли вокруг школьных зданий, а потом приедут солдаты и заасфальтируют. Вопросы: “Какие выдадут защитные средства? Привезут ли специальные костюмы, респираторы?” Ответили, что не привезут. “Возьмите лопаты и будете копать”. Только двое молодых учителей отказались, а остальные пошли и копали. Подавленность и в то же время чувство исполненного долга, живёт это в нас: быть там, где трудно, опасно, защищать родину»⁵¹.

При этом людей подвергали опасности не столько из-за нехватки спецсредств, сколько по политическим мотивам, ради сохранения контроля над ситуацией. «По словам бывшего генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва, сказанным в интервью ВВС в 2006 году, праздничные Первомайские демонстрации в Киеве и других городах не были отменены из-за того, что руководство страны не обладало “полной картиной случившегося” и опасалось паники среди населения»⁵². «Телеграммы из цека, из обкома партии... Перед нами поставили задачу: не допустить паники»⁵³. «В инструкциях на случай угрозы ядерной войны предписывается немедленно проводить йодную профилактику населения. <...> Мы предлагали... Без объявлений, без паники... Просто вводить йодные препараты в водоёмы, из которых берут питьевую воду, добавлять в молоко. Ну почувствовали бы не тот вкус воды... Не тот вкус молока... В городе держали наготове семьсот килограммов препаратов. Они так и остались на складах... В запасниках... Гнева сверху боялись больше, чем атома»⁵⁴. «Уже к концу мая, где-то через месяц после аварии, к нам начали поступать на проверку продукты <...> После первых проб стало ясно, что к нам поступает не мясо, а радиоактивные отходы. Вахтовым методом в зоне пасли стада. Пастухи приезжали и уезжали, доярок привозили только на дойку. Молокозаводы выполняли планы. Проверили. Не молоко, а радиоактивные отходы. Сухой молочный порошок и банки сгущённого и концентрированного молока Рогачёвского молокозавода мы долго использовали на лекциях как эталонный источник. А в это время их продавали в магазинах... Во всех продуктовых ларьках... Когда люди читали на этикетках, что молоко из Рогачёва и не брали его, оно заговаривалось. А потом вдруг появились банки без этикеток. Думаю, причина не в том, что не хватало бумаги — людей обманывали. Обманывало государство»⁵⁵. «Миллион тонн “загрязнённого” зерна переработали на комбикорма, скормили его скоту, а мясо потом попало на наш стол. <...> Деревни эвакуировали, а поля засеивались. <...> Не могло быть и речи о получении чистой продукции, там даже нельзя было находиться длительное время. <...> Спрашиваю у работника райкома партии, сопровождающего нас:

- Тракторист защищён хотя бы респиратором?
- Нет, они без респираторов работают.

⁵¹ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 214.

⁵² Чернобыль: Мифы и факты // ТАСС / ред. Мария Сметанникова. URL: <https://tass.ru/spec/chernobyl> (дата обращения: 07.11.19).

⁵³ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 287.

⁵⁴ Там же. С. 305.

⁵⁵ Там же. С. 237.

— Что, вам их не завезли?

— Да что вы! Завезли столько, что до двухтысячного года хватит. Но мы их не выдаём. А то начнётся паника»⁵⁶.

И в 1986 г., и в 2004 г. находились чиновники, которые прежде всего думали об интересах государства и были готовы жертвовать как самими собой, так и простыми жителями. Были руководители, которые считали себя обязанными пожертвовать даже собственными детьми и внуками. «Мы должны были не допустить паники... Моя работа... Долг... (*Молчит.*) Если я — преступник, то почему моя внучка... Моё дитя... Она тоже больна... Дочь родила её в ту весну, привезла к нам в Славгород в пелёночках. <...> Жена просила: “Надо их отправить к родственникам. Увезти отсюда”. Я был первым секретарём райкома партии... Я категорически запретил: “Что люди подумают, если я свою дочь с маленьким ребёнком увезу? Их же дети здесь остаются”»⁵⁷. В 2005 г. на должность главы Северной Осетии был утверждён Таймураз Мамсуров, до этого бывший председателем республиканского парламента. Во время торжественного заседания один из депутатов сказал, что Мамсуров «достойно вышел из жутчайшей ситуации в Беслане». Имелось в виду, что дети Мамсурова тоже были среди заложников в Беслане, и, когда Аушев предложил вывести его детей, Мамсуров отказался⁵⁸.

Большинство жителей Беслана и независимые журналисты уверены в том, что 1-3 сентября 2004 г. кто-то из федеральных руководителей принял решение пожертвовать заложниками ради уничтожения террористов. Формально в Беслане был единый оперативный штаб по освобождению заложников, но реально штабов было несколько и их работа плохо координировалась⁵⁹, поэтому трудно сказать, кто именно принимал такое решение. Тем более, что официально это не было признано, и местные жители считают, что им лгут. Как написали матери Беслана в письме Владимиру Путину, главная правда состоит в том, что «наши дети были принесены в жертву чиновничьим интересам»⁶⁰.

Основные претензии жителей Беслана к представителям официальной власти заключаются в том, что во время теракта скрывалась информация о количестве заложников и желании террористов вести переговоры в обмен на их жизни, а также что школу штурмовали с применением танков, огнеметов и гранатометов в то время, как там ещё оставались заложники. Днём 1 сентября официальный представитель оперативного штаба сделал заявление, что захвачены примерно 350 заложников и никаких требований боевики не выдвигают. Это была ложь, потому что местные жители с самого начала говорили представителям власти, что в школе не менее 800 человек, и одна из заложниц ещё утром передала в штаб записку террористов с требованием переговоров. «В записке говорилось, что за каждого своего убитого боевики будут убивать по 50 заложников. За раненого — 10 заложников. <...> Но официальная версия

⁵⁶ Там же. С. 307–308.

⁵⁷ Там же. С. 289.

⁵⁸ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 120.

⁵⁹ Там же. С. 203.

⁶⁰ Там же. С. 227.

гласила, что боевики ничего не требуют»⁶¹. Вечером 1 сентября, когда представитель ФСБ связался с боевиками, они сообщили, что расстреляли 20 заложников, потому что штаб долго не выходил на связь. Днём 2 сентября в школу приехал бывший президент Ингушетии Руслан Аушев, договорившийся об освобождении женщин с грудными детьми, а террористы объявили ему свои требования о выведении войск из Чечни и освобождении мусульман из тюрем России. Затем президент Северной Осетии Александр Дзасохов также хотел пойти в школу, но ему позвонили из Москвы с просьбой не делать этого. «Кроме этого, генерал Паньков лично уведомил Дзасохова, что имеет приказ арестовать президента в случае его попытки двинуться к школе»⁶². В первый день номинальным руководителем штаба был Дзасохов, во второй и третий день — глава УФСБ по Северной Осетии Валерий Андреев. «Дзасохов считал, что нужно вести переговоры и выполнять требования боевиков ради освобождения заложников, Андреев — что это укрепит позиции бандитов и создаст прецедент, потому что боевики будут знать, что таким способом можно разговаривать с властью. По-своему оба были правы, только за Дзасоховым стояли реальные заложники из его республики, а за Андреевым — абстрактные, возможные в будущем. С приездом московских генералов эти разногласия потеряли актуальность, мнения Дзасохова больше не спрашивали»⁶³. Официальные власти также утверждают, что штурма не было. Но местные жители, которые сами предоставляли следствию доказательства штурма, думают, что доказательства были уничтожены. В Беслане «доверие к власти было потеряно окончательно, и власть это знала. Её задачей был не Беслан, а вся остальная территория вне Беслана»⁶⁴.

5. Конструирование медийных версий происходящего и образов их участников, борьба за установление истины.

В целом и катастрофа в Чернобыле, и теракт в Беслане стали поводом для массовой коммуникации и сопровождались активным конструированием как различных версий произошедшего, так и медийных образов участников событий. Официальные СМИ передавали информацию таким образом, чтобы не допустить паники, не уронить престиж власти и создать ощущение, что ситуация находится под контролем и делается всё возможное для помощи пострадавшим. При этом также рассказывали о героизме и самопожертвовании военных и других спасателей. Истинные масштабы трагедии преуменьшались, ошибки и преступления представителей власти замалчивались. Естественно, эти версии и образы не соответствовали тому, как о них рассказывали различные непосредственные участники событий, представители оппозиции и альтернативных СМИ.

Официальное сообщение ТАСС об аварии на Чернобыльской АЭС было сделано только 28 апреля 1986 г., т. е. через 2 дня после начала катастрофы: «На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария. Повреждён

⁶¹ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 24.

⁶² Там же. С. 203.

⁶³ Там же. С. 110—111.

⁶⁴ Там же. С. 174.

один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия»⁶⁵. 14 мая Горбачёв лично выступил по ТВ. В момент выступления он то ли не осознавал масштабы трагедии, то ли сознательно делал всё, чтобы успокоить население. Это выступление очень краткое, поэтому, чтобы не быть голословным, приведу его текст целиком: «Все вы знаете, недавно нас постигла беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции. Она больно затронула советских людей, взволновала международную общественность. Мы впервые реально столкнулись с такой грозной силой, какой является ядерная энергия, вышедшая из-под контроля. Учитывая чрезвычайный и опасный характер того, что произошло в Чернобыле, Политбюро взяло в свои руки всю организацию работы по быстрой ликвидации аварии, ограничению её последствий. Огромную долю работы и ответственности взяли на свои плечи партийные, советские и хозяйственные органы Украины и Белоруссии. На сегодня 299 человек госпитализированы с диагнозом лучевой болезни разной степени тяжести, 7 из них скончались. От имени ЦК КПСС и советского правительства выражаю глубокое сочувствие семьям, родственникам погибших, трудовым коллективам, всем, кто пострадал от этой беды, кого постигло личное горе»⁶⁶.

Сразу после Чернобыля основное содержание журналистских репортажей заключалось в описании подвигов ликвидаторов, с одной стороны, и происков внешних врагов, с другой. «А в газетах трубили про наш героизм... Какие мы героические парни... Комсомольцы — добровольцы!»⁶⁷ «Каждый день приносили газеты. Я читал только заголовки: “Чернобыль — место подвига”, “Реактор побеждён”, “А жизнь продолжается”»⁶⁸. «Мгновенно воскресла забытая сталинская лексика: “агенты западных спецслужб”, “заклятые враги социализма”, “шпионские вылазки”, “диверсионная акция”, “удар в спину”, “подрыв нерушимого союза советских народов”. Все вокруг твердят о засланных шпионах и диверсантах, а не о йодной профилактике. Любая неофициальная информация воспринимается как чуждая идеология. <...> “Радио «Свобода» слушаешь?” — вызвал редактор. Я промолчал. — “Мне в газете не нужны паникёры. Ты о героях напиши... Солдаты на крышу реактора полезли...”»⁶⁹ «В газетах писали о вражеских происках и западной истерии. Об антисоветском ажиотаже и провокационных слухах, которые распространяют наши враги»⁷⁰. «Чернобыльской хроники, считайте, нет! Её не дали снять, всё засекретили. Если кому-то что-то удавалось запечатлеть, то соответствующие органы тут же забирали этот материал и возвращали размагниченные ленты. У нас нет хроники как эвакуировали людей, вывозили скот... Трагедию снимать запрещалось, снимали — героизм! Черно-

⁶⁵ Аварии на Чернобыльской АЭС исполняется 30 лет // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3237411> (дата обращения: 08.11.19).

⁶⁶ Чернобыль. Выступление М. С. Горбачёва 14 мая 1986. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8Ro284RmXxE> (дата обращения: 07.11.19).

⁶⁷ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 96.

⁶⁸ Там же. С. 124.

⁶⁹ Там же. С. 162.

⁷⁰ Там же. С. 171.

быльские альбомы всё-таки сейчас изданы, но сколько раз кино- и телеоператорам разбивали камеры. Таскали по инстанциям...»⁷¹ «Был однажды спецзаказ: срочно помыть дом в пустой древне. Абсурд! “Зачем?” — “Завтра там будут играть свадьбу”. Облили из шлангов крышу, деревья, соскребли землю. Скосили картофельную ботву в огороде. Пустырь вокруг. Назавтра привезли жениха и невесту. Приехал автобус с гостями. С музыкой... Настоящие, а не киношные жених и невеста. Они уже жили в другом месте, переселились, но их уговорили приехать сюда, чтобы заснять для истории. Работала пропаганда. Фабрика грёз... Охраняла наши мифы: мы везде выживем, даже на мёртвой земле...»⁷²

Во время теракта в Беслане официальные заявления также были далеки от истины. Их авторы сознательно преуменьшали масштаб бедствия, возможно, чтобы не допустить паники. «Тщательно отфильтрованную информацию журналисты получали из так называемого оперативного штаба, а тот на Россию и весь мир транслировал ложь и о числе заложников, и о полном отсутствии требований со стороны террористов. Первыми о штурме школы также сообщили не российские, а зарубежные средства массовой информации»⁷³. «Нас из Кремля предупредили, что эти события надо освещать “спокойно”. И чтобы было понятно, как спокойно освещать события, достаточно открыть газеты за те дни и увидите, что, например, в “Российской газете” это событие было среди многих, в том числе и событий культуры, жизнь продолжается и о погоде»⁷⁴.

Боевики, захватившие заложников в Беслане, хотели использовать теракт в коммуникационных целях: для попыток связи с федеральным правительством, с международным сообществом — чтобы их выслушали, чтобы их восприняли как участников переговоров. В этом я усматриваю аналог коммуникации с богами в традиционном жертвоприношении, когда «жертвователю перекидывает мост между миром богов и миром людей, и по этому мосту к нему может потечь сила богов»⁷⁵. В конечном счете кто-то из федеральных руководителей принял решение не вести переговоры с преступниками. Тем самым им было отказано в праве не только называться борцами за свободу, как они сами это делали⁷⁶, но и террористами. Тележурналисты, работающие в Беслане, получили от своего руководства следующие указания: «Родственников заложников в эфир не давать, количество заложников, кроме официальной цифры, не называть, слово “штурм” не употреблять, террористами боевиков не называть, только бандитами. Потому что террористы — это те, с кем договариваются»⁷⁷.

⁷¹ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 207.

⁷² Там же. С. 235–236.

⁷³ Кара-Мурза В. Сложно ли было освещать трагедию в Беслане российским журналистам? // Радио Свобода. 02.09.2009. URL: <https://www.svoboda.org/a/1812985.html> (дата обращения: 07.11.19).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии : пер. с англ. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 102. URL: <http://cult-lib.ru/doc/culture/communication/index.htm>

⁷⁶ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 41.

⁷⁷ Там же. С. 56.

После каждого из бедствий находились и те, кто отстаивал альтернативные версии событий, боролся «за установление истины»⁷⁸. Среди них были и пострадавшие, и журналисты, и отдельные представители власти. Так, в 2004 г. «работали две комиссии по расследованию событий в Беслане — независимая комиссия, созданная Парламентом Северной Осетии, и федеральная комиссия при Госдуме РФ. Позиции их друг от друга существенно отличались, особенно в начале расследования»⁷⁹. Председатель региональной комиссии Станислав Кесаев стал первым официальным лицом, выразившим недоверие к следствию и официальной версии событий. В интервью 2005 г. он «прямо сказал о том, что по школе стреляли из гранатомётов, огнемётов и танков, в то время, как там были заложники»⁸⁰. «Я поражаюсь тому, что Кесаев не боится. <...> Я задала ему ещё один мучивший меня вопрос: надо ли договариваться с террористами, зная, что создаёшь прецедент? Он дал мне прекрасный гуманистический ответ, и я ему за это благодарна до сих пор. Он сказал, что в первую очередь государство должно защищать своего гражданина»⁸¹.

6. Самопожертвование, встреча с трансцендентным, сакрализация жертв и героев.

В Чернобыле было много случаев подлинного самопожертвования. «В первые дни люди испытывали не только страх, но и подъём. <...> У меня на столе лежали десятки заявлений с просьбой: “Прошу направить в Чернобыль”. По зову сердца! Люди были готовы пожертвовать собой, не задумываясь и не требуя ничего взамен»⁸². «Был момент, когда существовала опасность ядерного взрыва, и потребовалось спустить из-под реактора грунтовую воду, чтобы туда не попал расплав урана и графита, вместе с водой они дали бы критическую массу. Взрыв — три-пять мегатонн. Не только бы Киев и Минск обезжизнели, но и в огромной части Европы нельзя было бы жить. Представляете?! Европейская катастрофа. Поставили задачу: кто нырнёт в эту воду и откроет там задвижку спускного клапана? Обещали машину, квартиру, дачу и содержание родных до конца дней. Искали добровольцев. И они нашлись! Ребята ныряли, много раз ныряли и открыли эту задвижку, и им дали на команду семь тысяч рублей. А об обещанных машинах и квартирах забыли. Да не из-за барахла они ныряли!»⁸³ «Полковник Володажский... <...> Когда он получил запредельную дозу, должен был уйти, немедленно эвакуироваться, но остался и обучил ещё тридцать три экипажа. Сам сделал сто двадцать вылетов, сбросил двести — триста тон груза. <...> А четыреста шахтёров, которые день и ночь долбили тоннель под реактором? Нужно было прорыть тоннель, чтобы залить туда жидкий азот и заморозить земельную подушку <...> А они голые при температуре за пятьдесят градусов катили перед собой вагонетки на четвереньках. <...> Сейчас они умирают...»⁸⁴

⁷⁸ Там же. С. 131.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 169.

⁸¹ Там же. С. 171.

⁸² *Алексиевич С. А.* Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 290.

⁸³ Там же. С. 205—206.

⁸⁴ Там же. С. 208—209.

Опыт самопожертвования был особенным, выходящим за рамки обыденного, трансцендентным. Об этом вспоминают некоторые из выживших ликвидаторов. «Двадцать шестого апреля каждый год мы собираемся — те, кто там был. Те, кто теперь ещё остался. Вспоминаем то время. Ты был солдатом на войне, ты был нужен. Плохое забылось, а это осталось. Осталось то, что без тебя не могли обойтись... Тебя востребовали... Наша система, военная, в общем-то, она отлично срабатывает в чрезвычайных обстоятельствах. Ты наконец там свободен и необходим. Свобода! И русский человек в такие моменты показывает, как он велик!»⁸⁵ «Я был на реакторе... Там — как в окопе на переднем крае. Страх и свобода! Живёшь на полную катушку... В обычной жизни этого не понять. Не проникнуться. <...> Я оглядываюсь на те дни... Я был рядом с чем-то... С чем-то фантастическим. А вот эти слова: “гигантский”, “фантастический” — они всего не передают. Было такое чувство... <...> Такое чувство я не испытывал даже в любви»⁸⁶.

Жертвовали собой и спасатели заложников в Беслане. Когда 3 сентября 2004 г. в захваченной школе неожиданно раздался взрыв и дети стали выпрыгивать из окон, «группа Разумовского, занявшая позицию неподалёку, первой увидела, как они бегут под пули. Спецназовцы бросились к школе без прикрытия. Многие погибли в первые минуты боя»⁸⁷. «Спецназовец Андрей Туркин накрыл собой гранату, брошенную боевиками. Погиб, но спас сидевших рядом детей. Погиб полковник Разумовский, первым бросившийся в школу»⁸⁸.

Погибших жертв и спасателей почитают в качестве сакральных фигур. Строятся посвящённые им храмы и мемориалы, музеи, памятники. Начинается этот процесс с того, что совместно переживаемое запредельное горе обостряет религиозные чувства: «Я пою в церковном хоре. Евангелие читаю. Хожу в церковь, потому что только там говорят о вечной жизни. Утешают человека. Больше нигде этих слов не услышишь, а так хочется услышать. Когда мы ехали в эвакуацию и по дороге встречалась церковь, то все шли туда. Нельзя было пробыть. Атеисты и коммунисты — все шли»⁸⁹. «Чернобыль наполнил мою жизнь и моя душа расширилась... Ей больно... Заветный ключик... Начинаешь после боли говорить, хорошо говоришь. Я так говорила... Таким языком только тогда, когда любила. И сейчас... Если бы я не верила, что он на небе, как бы я это пережила?»⁹⁰ «Храм-памятник Спаса Нерукотворного в память о гражданском подвиге и самопожертвовании героев-ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС построен и освящен в поселке Волоконовка Белгородской области. <...> Храм — лишь часть будущего мемориального комплекса, по проекту которого также будет создана Аллея памяти ликвидаторов»⁹¹.

⁸⁵ Там же. С. 103.

⁸⁶ Там же. С. 266—271.

⁸⁷ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 41.

⁸⁸ Там же. С. 67.

⁸⁹ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 228.

⁹⁰ Там же. С. 255.

⁹¹ Освящен первый храм-памятник, посвященный героям-чернобыльцам // Вера. Христианская православная газета Севера России. 11.10.2017. URL: <https://vera-eskom.ru/2017/10/osvyashhen-pervyy-khram-pamyatnik-posvyashhe/> (дата обращения: 08.11.19).

Возле школы в Беслане тоже построили новый православный храм. А ещё был создан монастырский реабилитационный центр. Тележурналист Наталья Багаева снимала фильм про архимандрита Ипполита (Халина), и он ей сказал, что она должна ехать в горы Осетии и строить там монастырь. «Через несколько месяцев Наташа постриглась и стала игуменьей Нонной. А ещё через две недели случился теракт в Беслане. <...> А в сентябре 2005 г. священники РПЦЗ из Германии собрали деньги, чтобы построить на территории монастыря детский реабилитационный центр — для детей Беслана. А заодно к жизни возвращали бесланских женщин»⁹².

Наряду с соблюдением традиционных осетинских обрядов и православных ритуалов в Беслане постепенно складываются новые обряды поминовения жертв теракта и погибших героев. Сразу после теракта в школу несли букеты, игрушки, сладости, бутылки с газировкой — всё, что любят дети. И сигареты — для погибших мужчин. «Свечи — на полу, в руках, у стен. На стену кто-то прибил большое деревянное распятие»⁹³. «В сентябре 2005-го на новом кладбище в Беслане поставили памятник <...> В ночь на 3 сентября 2005 года матери сидели в спортивном зале, среди игрушек, фотографий, под открытым небом <...> Днём они вышли во двор и с отрешёнными лицами встали у стен школы. К обеду двор заполнился людьми, к спортзалу выстроилась очередь с цветами и свечами. В 13 часов во двор вошли школьники с белыми шарами. Их было 331. <...> В 13:05 из динамиков вылетел колокольный звон, школьники выпустили шары в небо, и люди во дворе зарыдали, закричали, завывали. <...> Панихида, которую вёл митрополит Ставропольский и Владикавказский Феофан прямо в школьном дворе, постоянно прерывалась женским воем»⁹⁴.

В течение 15 лет каждый месяц 3 числа священник служит в школе панихиду, на которую приходят близкие погибших. В настоящее время эта школа — памятник республиканского значения, построен православный храм, мемориал полковнику Разумовскому, вокруг спортзала и над ним возведён бетонно-металлический каркас — чтобы сохранить это место в том виде, в каком оно было в 2004 г. Матери Беслана хотят, чтобы это место получило статус федерального памятника. «Они хотят создать на территории школы целый мемориальный комплекс — Центр по противодействию терроризму, в который войдут здание школы, храм, памятник Разумовскому, кладбище «Город ангелов», а ещё видеозал, библиотека и архив. <...> И памятник Шемякина, посвящённый детям Беслана»⁹⁵.

7. Поиск и наказание жертв отпущения. Суд как ритуал осквернения.

Когда происходит бедствие, люди начинают искать виновных. Наряду с горем, пострадавшие и их близкие испытывают гнев и желание добиться справедливости. Очень часто желание справедливости по сути является желанием отомстить. Вина некоторых людей, таких как террористы и явные преступники, может быть очевидна. Вина других, таких как допустившие ошибку

⁹² Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 192.

⁹³ Там же. С. 90.

⁹⁴ Там же. С. 99—100.

⁹⁵ Там же. С. 258.

инженеры или руководители — менее очевидна. Последнее касается и вины тех, кто принимал решение о том, чтобы пожертвовать людьми ради выхода из кризиса. Поскольку в нашей культуре военные и государственные руководители (часто это одни и те же люди) принимают подобные решения регулярно, они не могут допустить наказания всех тех, кто такие решения принимал. Поэтому, с одной стороны, факты сознательного принесения людей в жертву не признаются, с другой стороны, значительные усилия затрачиваются на поиски жертв отпущения, их ритуальное осквернение в форме суда и законного наказания, на конструирование образов наказанных преступников и восторжествовавшей справедливости. Эти образы, возможно, с доверием воспринимаются основной массой общества, т. е. теми людьми, которые судят о событиях на основе сообщений в СМИ, и ради которых, собственно говоря, и были принесены жертвы. Но пострадавшие и их близкие судят о происходящем на основе собственного опыта и считают, что их обманывают. С их точки зрения, в жертву принесли не только жизни и здоровье их близких, но и их доверие государству. Суды над «стрелочниками» их не удовлетворяют.

Суд в Чернобыле был неудовлетворительным ещё и потому, что не был публичным. «Суд состоялся в здании местного Дома культуры. На скамье подсудимых шестеро — директор атомной станции Виктор Брюханов, главный инженер Николай Фомин, заместитель главного инженера Анатолий Дятлов, начальник смены Борис Рогожкин, начальник реакторного цеха Александр Коваленко, инспектор Госатомэнергонадзора СССР Юрий Лаушкин.

Зрительские места пустые. Сидят одни журналисты. Впрочем, людей здесь уже и нет, город «закрыли», как «зону жёсткого радиационного контроля». Не по этой ли причине его и избрали местом суда — чем меньше свидетелей, тем меньше шума? Нет телеоператоров, и нет западных журналистов. Конечно, на скамье подсудимых все хотели увидеть десятки ответственных чиновников, в том числе и московских. Свою ответственность должна была нести и современная наука. Но согласились на «стрелочников»⁹⁶.

В архаической ситуации кризис переживался всеми членами общества, а наказание козла отпущения заканчивалось всеобщим катарсисом. В современной ситуации кризис переживается непосредственными пострадавшими и теми, кто им сострадает, следя за сообщениями в СМИ, но эти люди не испытывают катарсиса вследствие наказания обвиняемых, поскольку их чувство справедливости не удовлетворено. Остальная масса населения, возможно, была удовлетворена результатами работы следствия и суда, но не испытала запредельного горя пострадавших, поэтому речь о катарсисе тоже не идёт. То есть суд и наказание виновных мог бы функционально заменить жертву отпущения, но в современной ситуации этого не происходит. Наказание «стрелочников» не срабатывает в качестве жертвы отпущения. Эта жертва не принимается, так как люди видят, что многие настоящие виновные не наказаны. Нет чувства удовлетворенной справедливости, прощения и радости по поводу избавления от скверны, нет веры в завтрашний день. Здесь различие между

⁹⁶ Алексеевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. 2019. С. 9—10.

подлинным ритуалом и видимостью ритуала, разыгрыванием ритуала для публики. Подлинный ритуал требует эмоционального согласия.

Эмоциональное согласие и своеобразный катарсис чернобыльцы и борцы за их права испытали во время массового несанкционированного митинга в Минске в апреле 1989 г., на третью годовщину трагедии. Именно такие массовые выступления, во время которых участники непосредственно делятся своими эмоциями с тысячами других людей, публично обвиняют и клеймят позором тех, кого считают истинными преступниками, можно считать функциональными аналогами жертвы отпущения. «Люди начали собираться у парка Челюскинцев... Подходили и подходили. К десяти часам уже было двадцать-тридцать тысяч <...>, и каждую минуту толпа увеличивалась. Мы сами такого не ожидали... Все на подъёме... Кто может воспрепятствовать этому морю людей? <...> Балконы забиты людьми, они открывали окна настежь, взбирались на подоконники. Махали нам руками. Приветствовали платками, детскими флажками. <...> К наспах обустроенной трибуне сами подходили и без всяких бумажек говорили простые люди, которые приехали из чернобыльских мест. Образовалась живая очередь. Мы слушали свидетелей... Свидетели давали показания... <...> Это был Чернобыльский трибунал. <...> Я не скрою: самый большой день в моей жизни. Мы были счастливы»⁹⁷.

В ноябре 2004 г. с пострадавшими жителями Беслана встретился замгенпрокурора России по Южному федеральному округу Николай Шепель. Он сказал, что к ответственности привлекли начальника РОВД Малгобекского района Ингушетии, откуда приехали в Беслан террористы, и начальника РОВД Правобережного района Северной Осетии, так как у школы не было милицейского патруля. Рассказал о версиях следствия. В ответ одна из местных женщин, Светлана Дудиева сказала, что эти версии не устраивают жителей Беслана. «Зачем спрашивать с рядовых милиционеров, которых отстранили и судят? — продолжала Дудиева. — Уволено 40 рядовых сотрудников, но не уволен никто из чиновников высшего ранга. Как они допустили этот теракт? Незадолго до него было нападение на Назрань, и это не стало для них уроком!»⁹⁸ «Министр внутренних дел Северной Осетии Казбек Дзантиев сам подал в отставку сразу после Беслана. Глава района Борис Уртаев — тоже. Освобождён от должности глава УФСБ по Северной Осетии Андреев. <...> В сентябре Дзасохов отправил в отставку правительство республики. Но пострадавшие от теракта ждали не этого»⁹⁹. Они ждали, что будут наказаны московские генералы, реально принимавшие решения. И ещё они ждали, что перед ними извинятся Дзасохов и Путин. Ничего из этого они не дождались. Во время встречи женщин Беслана его спросили, каялся ли он о Беслане у Гроба Господня:

«ГАДИЕВА: <...> Вы каялись о Беслане?

ПУТИН: Да.

ГАДИЕВА: Ну вот, тогда покайтесь и перед моим народом.

⁹⁷ Там же. С. 177—179.

⁹⁸ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 108—109.

⁹⁹ Там же. С. 110.

ПУТИН: Кто-то может использовать эти слова для развала России. Террористы сначала готовят теракт — одна трагедия, а потом работают с жертвами — другая трагедия»¹⁰⁰.

После трагедии в Беслане состоялся суд над единственным захваченным живым террористом Нурпашой Кулаевым, которого 26 мая 2006 г. приговорили к высшей мере наказания (с учётом моратория на смертную казнь — к пожизненному заключению). Но пострадавшие были недовольны тем, как проходило следствие и суд. «Не все ходатайства потерпевших были удовлетворены. Они просили вызвать в суд для дачи показаний Руслана Аушева, доктора Рошаля, начальника центра специального назначения ФСБ РФ Тихонова, генералов Проничева и Анисимова — но суд отклонял эти ходатайства, считая, что к делу Кулаева они не относятся. <...> Отказали “Матерям Беслана” и в ходатайстве об объединении всех уголовных дел по бесланскому теракту»¹⁰¹.

Для пострадавших более-менее удовлетворительным формальным актом обличения виновных стало решение Страсбургского суда. «В апреле 2017 года Европейский суд по правам человека в Страсбурге рассмотрел жалобу 409 жителей Беслана к российским властям и обязал Россию выплатить родственникам жертв теракта 3 миллиона евро. Но для матерей Беслана главным было другое — суд признал, что российские правоохранительные органы не расследовали все обстоятельства теракта, а власти допустили чрезмерное применение силы в школе 3 сентября. Суд решил, что государство не должно применять тяжёлое вооружение при освобождении заложников, а жизнь заложника должна быть приоритетной»¹⁰².

В качестве акта возмездия можно рассматривать уничтожение в июле 2006 г. Шамиля Басаева, взявшего на себя ответственность за теракт в Беслане. Пусть не у обиженных жителей Беслана, но у населения России в целом его смерть могла бы вызвать чувство удовлетворения и ощущение восстановленной справедливости, если бы сопровождалась правильной информационной кампанией. Путин наградил сотрудников, принявших участие в операции и сказал, что это было «заслуженное возмездие для бандитов за наших детей в Беслане, в Будённовске, за все теракты, которые они совершили в Москве, в других регионах России, включая Ингушетию и Чеченскую Республику»¹⁰³. Но для массового эмоционального резонанса этого было мало. Не было обращения к жителям Беслана, к жителям России. Чтобы удовлетворить чувство поруганной справедливости, ритуал обвинения и наказания преступника должен был быть публичным. Однако подробности уничтожения Басаева были засекречены. Видимо, перед спецслужбами ставилась задача не столько продемонстрировать всему миру неотвратимость наказания для организатора терактов в Беслане и Будённовске, сколько прекратить его дальнейшую деятельность. Поэтому всё выглядело так, как если бы его не наказали за преступление, а просто убили на войне.

¹⁰⁰ Там же, С. 184.

¹⁰¹ Там же. С. 162.

¹⁰² Там же. С. 256.

¹⁰³ Шамиль Басаев уничтожен в Ингушетии // РБК: URL: <https://www.rbc.ru/society/10/07/2006/5703c1429a7947dde8e084ee> (дата обращения: 08.11.19).

8. Формирование и распределение жертвенного капитала.

Во время ликвидации последствий аварии на ЧАЭС ликвидаторам и местным жителям были обещаны различные награды, льготы и компенсации. Частично эти обещания были выполнены, кто-то был обманут, кому-то компенсации показались незначительными в сравнении с нанесённым ущербом, кому-то они были не нужны вообще, а кто-то в них остро нуждался, но не получил ничего. Многим пострадавшим приходилось проходить через унижение, чтобы добиться статуса пострадавшего и помощи от государства. Многие получили только статус, но не реальную помощь. «Ничего от государства нам не надо. Всё сами производим. Не трогайте только нас!»¹⁰⁴ «Сразу после армии стал инвалидом второй группы. В двадцать два года. Работал на заводе. Начальник цеха: “Прекрати болеть, а то сократим”. Сократили. Пошёл к директору: “Не имеете права. Я — чернобылец. Я вас спасал. Защищал!” — “Мы тебя туда не посылали»¹⁰⁵. «Моя девочка... <...> Такие, как она, такие сразу умирают. Она не умерла, потому что я её люблю. За четыре года — четыре операции. <...> Четыре года воевала... С врачами, с чиновниками... Добивалась приёма в высоких кабинетах... Только через четыре года мне выдали медицинскую справку, подтверждающую связь ионизирующей радиации (малых доз) с её страшной патологией. Мне отказывали четыре года, мне твердили: “Ваша девочка — инвалид детства”. Какой же она инвалид детства? Она — инвалид Чернобыля. <...> Один чиновник кричал: “Чернобыльских льгот захотела! Чернобыльских денег!”¹⁰⁶ «Собираем пожертвования <...> Дали первое поручение: “Вот деньги, раздели их на тридцать пять семей. На тридцать пять вдов, у кого мужа умерли”. Все они были ликвидаторы. Надо справедливо. А как? У одной вдовы маленькая девочка, больная, у другой вдовы — двое детей, третья женщина сама больная, а та снимает квартиру, а ещё у одной — четверо детей. <...> Мы раздали деньги всем поровну, по списку. <...> Сегодня утром <...> открывается дверь, женщина с порога рыдает... не рыдает, а кричит: “Заберите его медаль и все грамоты! Заберите все льготы! Отдайте мужа!”¹⁰⁷

Споры на эту тему продолжаются, но частично они были разрешены принятием в 1991 г. закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹⁰⁸. В этом так называемом чернобыльском законе формально определены различные категории пострадавших и ликвидаторов, а также полагающиеся им льготы и компенсации. Были созданы многочисленные общественные организации и фонды, помогающие людям, пострадавшим от Чернобыля. Первый такой фонд был создан в 1989 г. в Белоруссии и назывался «Детям Чернобыля».

¹⁰⁴ Алексиевич С. А. Чернобыльская молитва: Хроника будущего. С. 65.

¹⁰⁵ Там же. С. 109.

¹⁰⁶ Там же. С. 116.

¹⁰⁷ Там же. С. 203.

¹⁰⁸ Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 27.12.2018) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=314848&fld=134&dst=1_000000001,0&rnd=0.9143169556155679#03065275385114077 (дата обращения: 08.11.19).

Аналогичные процессы происходят и после теракта в Беслане. Создана общественная организация «Матери Беслана», от которой затем отделилась организация «Голос Беслана», эти организации добиваются соблюдения прав пострадавших, в том числе помогают в получении материальной и медицинской помощи. Некоторым пришлось бороться за то, чтобы их детей включили в список пострадавших. Одни женщины говорят, что полученные деньги не помогают пережить потерю и унижение: «Но после теракта мы все хотели внимания, сочувствия. К нам никто не пришёл. Нам дали компенсации. Думаете, кто-нибудь прикоснулся к ним? Я педагог, я жила на свою зарплату со своим ребёнком, я была счастлива. Никакие компенсации не вернут мне той моей жизни. Неужели это так трудно понять? Мы ждали, что наши руководители придут и скажут: “Простите. Мы с вами”. Не пришли и не сказали»¹⁰⁹. Другие женщины считают выделенную помощь недостаточной, что негде и не на что лечить пострадавших детей: «В медицинском центре, построенном в Беслане на федеральные деньги, нет детского отделения. <...> Была только экстренная помощь — в первые месяцы. И пенсионный фонд РФ выделил республике 20 миллионов рублей для потерпевших — на эти деньги в течение двух лет люди ездили на реабилитацию в санатории. <...> Кому-то нужна серьёзная реабилитация, которой в России нет. <...> В Беслане считают, что лечение пострадавших от терактов должно финансироваться напрямую от Минздрава РФ»¹¹⁰.

Возможные функции аналогов человеческого жертвоприношения

События в Чернобыле и Беслане имели не только негативные последствия, но и такие, которые допускают положительную интерпретацию, т. е. могут классифицироваться как *адаптивные*. Можно допустить, что жертвы были принесены *не зря* и опыт бедствий каким-то образом улучшит нашу жизнь в будущем. Что жертвоприношения во время кризиса — это цена, которую платит общество за то, чтобы научиться преодолевать кризис данного типа и получить шанс развиваться дальше.

В целом опыт ликвидации последствий аварии на ЧАЭС был полезен для дальнейшего развития безопасной атомной энергетики, радиационной медицины, средств защиты от радиации, в дальнейшем эти наработки могут стать основой для защиты людей от излучения во время космических полётов. Если развитие науки и новых технологий невозможно без жертв, то Чернобыль стал площадкой для самого большого в истории человечества жертвоприношения во имя этих целей. «На настоящий момент возникновение катастрофы, аналогичной произошедшей на Чернобыльской АЭС, маловероятно, потому что в современных проектах АЭС используется огромное количество различных систем безопасности, направленных на сдерживание выхода радиоактивных веществ в окружающую среду. <...> Анализ последствий Чернобыля привел к ряду очень важных мероприятий, связанных с безопасностью. На уровне международных комиссий были сформулированы основополагающие принципы безопасности атомных станций и выпущены соответствующие документы. Теперь

¹⁰⁹ Алленова О. Форпост. Беслан и его заложники. С. 122–123.

¹¹⁰ Там же. С. 228.

на станциях проводят регулярные проверки следования этим принципам. <...> Сегодня во всех странах существуют специальные службы мониторинга радиационной обстановки, <...> и у нас в рамках МЧС существует подразделение, которое специализируется на радиоактивных инцидентах. Также в России существует ситуационный кризисный центр (СКЦ), который работает в непрерывном режиме и сразу реагирует на такие ситуации»¹¹¹. Своеобразный парадокс заключается в том, что некоторые специалисты считают меры радиационной безопасности, принятые в России после Чернобыля, чрезмерными. Например, первый замдиректора Института проблем безопасного развития атомной энергетики РАН Рафаэль Арутюнян считает, что негативные последствия аварии на ЧАЭС преувеличены, а строгость современных российских норм радиационной безопасности научно не оправданны: «К сожалению, <...> наши стандарты облучения одни из самых жестких в мире»¹¹².

На мой взгляд, принятие чернобыльского закона и изменение ситуации в сфере радиационной безопасности свидетельствует о том, что в нашей культуре постепенно меняются ценностные приоритеты. Возможно, модель управления обществом, в которой человеческие жертвы были чем-то само собой разумеющимся, когда-нибудь будет заменена моделью, в которой важнейшей ценностью является человеческая жизнь, и человеческое жертвоприношение станет возможным только в форме добровольного самопожертвования. Если демократизацию политической системы и гуманизацию культуры рассматривать в качестве положительных изменений, видимо, их можно рассматривать как функциональные последствия Чернобыля. Что касается Беслана, то политические последствия этого бедствия неоднозначны. С одной стороны, как сказал Дзасохов, уходя с поста президента Северной Осетии, республика выдержала удар террористов и Россия благодаря этому окрепла¹¹³. В частности, Беслан стал поводом для отмены прямых выборов руководителей регионов, что укрепило позиции федеральной власти на местах и управляемость страной. С другой стороны, демократии стало меньше. При этом что-то изменилось и в культуре. Возможно, наше общество стало менее гуманным, возможно, последствия Беслана будут способствовать его дальнейшей гуманизации. Женщины Беслана видят смысл своей политической и просветительской деятельности в том, чтобы подобная трагедия не повторилась в будущем. С точки зрения функционального анализа, даже если решения и действия властей не были адаптивны сами по себе, реакция на них пострадавших в форме создания женских организаций, политической и юридической активности, мемориальной работы, религиозного служения была адаптивной.

Теракт в Беслане дал дополнительную возможность уничтожить часть террористов. Это можно рассматривать как аналог традиционного механизма

¹¹¹ *Миронова К.* «Вероятность аварии полностью исключить нельзя». «Ъ» опросил экспертов о возможности повторения чернобыльской катастрофы сегодня // Коммерсантъ. 22.06.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4006714> (дата обращения: 08.11.2019).

¹¹² *Резниченко А.* Чернобыль: ложь и правда спустя 30 лет // РИА Новости. 22.04.2016. URL: <https://ria.ru/20160422/1416978532.html>

¹¹³ *Алленова О.* Форпост. Беслан и его заложники С. 119.

социальной консолидации через избавление от странных людей, от маргиналов, от преступников. Это нормализует общество, избавляет его от потенциальных возмутителей спокойствия, создает условия для существования норм как таковых. Можно предположить, что это была одна из важнейших функций смертной казни и человеческого жертвоприношения в архаических обществах. Возможно, эта функция продолжает оставаться важной и в современном обществе.

Можно также предположить, какую роль играет в воспроизводстве культурных норм связанное с аналогами жертвоприношения формирование стереотипных медийных образов, когда жертвы и их спасатели сакрализуются, а преступники очерняются. Криминологи и борцы за правду в массмедиа сетуют: описания преступлений и катастроф, описание поведения жертв и преступников не соответствуют реальности. Но они не понимают, что это и есть ритуал, проводящий культурные и социальные различия более чётко, чем они проводились бы без него. Стандартное понимание отклонения массмедийных образов от реальности заключается в том, что журналисты гонятся за сенсацией или боятся властей, и т. п. Но это всё вторичные проявления, главное в том, что одна из функций жертвенного дискурса — проводить различия, делать правила более однозначными, создавать более понятный образ общества, образ различий между обществами, между друзьями и врагами и т. п. Без таких упрощений культурные правила не существуют. Ритуал и основанный на нем дискурс — это упражнение в подражании и извлечении смысла. Стереотипные идеализированные портреты жертв и преступников нужны для того, чтобы общественные отношения оставались понятными, чтобы культура как система значимых различий продолжала воспроизводиться.

Самой очевидной и, возможно, основной функцией аналогов жертвоприношения является встреча с трансцендентным и воспроизводство веры в фундаментальные человеческие ценности в ходе совместного переживания запредельного человеческого горя, самопожертвования ради спасения других людей, совместного поминовения жертв и героев, совместного ритуального обвинения и наказания виновных в кризисе.

Заключение

Анализ событий в Чернобыле и Беслане показывает, что следует различать разные варианты гибели и наказания, соотносимые с понятием человеческого жертвоприношения:

- смерть и страдание невинных людей вследствие бедствия или преступления;
- смерть и страдание невинных людей, которыми пожертвовали, потому что не стали их спасать или сознательно подвергли смертельной опасности;
- смерть и страдания людей, которые были обмануты (например, им не сообщили о вреде радиации и т. п.);
- смерть героев, добровольно пожертвовавших собой ради спасения других;
- смерть и страдание тех, кому было стыдно или неловко заботиться о себе (стыдно спасать себя и свою семью, стыдно отказаться от стакана радиоактивного молока и т. п.);

— смерть и страдания людей, которых вынудили пожертвовать собой ради спасения других;

— смерть и страдания людей, которые пострадали из-за собственной глупости или некомпетентности (игнорировали предупреждения о радиационной защите и т. п.);

— наказание «стрелочников», т. е. жертв отпущения, назначенных виновными;

— наказание действительно виновных жертв отпущения.

Помимо различных вариантов смерти, страдания и наказания, функциональными аналогами элементов жертвоприношения могут быть:

— отбор потенциальных жертв;

— разделение общества на жертв и прочих участников событий;

— конструирование различных версий событий и образов их участников;

— ритуальная сакрализация, очищение погибших, почитание их памяти;

— ритуальное осквернение виновных;

— формирование и распределение жертвенного капитала;

— эмоциональное сопереживание горя пострадавших;

— эмоциональное сопереживание несправедливости и потребности в правосудии;

— эмоциональное сопереживание чувства удовлетворённой справедливости;

— психический опыт выхода за рамки повседневности, встреча с трансцендентным;

— извлечение пользы из гибели людей, кризиса в целом и опыта его преодоления.

В современной ситуации отбор жертв не всегда осуществляется в буквальном смысле этого слова. Он может отсутствовать, если люди пострадали из-за несчастного случая, вследствие природного катаклизма. Своеобразный отбор происходит, когда люди призываются на военную службу или становятся профессиональными спасателями, принимают присягу и заключают соответствующие контракты. Еще один вид отбора осуществляется при решении о добровольной вакцинации, при заключении договоров медицинского страхования, страхования жизни (не заключающие такие договора подвергаются большему риску стать жертвой). В проанализированных случаях, когда массовыми жертвами Чернобыля становились солдаты срочной службы, резервисты, студенты-практиканты и жители местных деревень — т. е. наименее защищённые слои населения, сработывал принцип Жирара: в жертву приносили тех, за кого не отомстят, кто не сможет за себя постоять. В случае с терактом в Беслане, похоже, что террористы отбирали жертвы по противоположному принципу — самых ценных, за кого захотят мстить, чтобы нанести максимальный ущерб, чтобы угроза была серьезной и вызвала желание властей воспринимать террористов всерьёз. Что же касается самопожертвования, то жертвовали собой самые чистые и смелые.

Могут ли одни люди извлекать пользу из гибели других людей? Какой должна быть эта гибель и эта польза, чтобы речь шла не просто о смерти или убийстве, а об аналоге жертвоприношения? Для того, чтобы смерть стала элементом жертвоприношения, она должна случиться «не зря». При этом её

цель, смысл должны быть либо священными в буквальном религиозном смысле, либо в переносном — смерть одних ради спасения других, ради общества в целом, ради избавления от несчастий в будущем и т. п. Кроме того, эмоциональное сопереживание, массовые эмоции — это и есть часть ритуала, превращающего простое убийство или несчастье в жертвоприношение. Может быть, поэтому бессознательные рефлексии государственных чиновников направлены на то, чтобы снизить накал страстей, не допустить паники и т.п. Может быть, они бессознательно хотят, чтобы жертвоприношение выглядело как простое преступление?

Вопрос о неизбежности, социальной необходимости принесения в жертву людей остаётся открытым. Возможно, в будущем появятся общества, где людей в жертву приносить не будут. Но факт заключается в том, что человеческое жертвоприношение широко практиковалось в архаических обществах и продолжает практиковаться в настоящее время. Я не оправдываю жестокость и насилие, но думаю, что не следует демонизировать жрецов, политиков и военных. Не следует преувеличивать их способность к свободному поведению. И в архаических, и в современных обществах случаются ситуации, когда самое простое, а иногда и единственное возможное решение кризиса предполагает человеческую жертву, и соответствующий жрец, чиновник или военачальник принимает это решение. Если бы он не мог поступить соответствующим образом, на его месте просто был бы другой человек.

Аналоги элементов человеческого жертвоприношения группируются в современном обществе иначе, чем в архаических обществах. Основное отличие заключается в том, что сначала имеет место смерть или угроза смерти, после чего общество делится на жертв и всех прочих, затем приносятся окончательные жертвы, и только после этого осуществляются основные ритуалы по очищению и поминовению жертв, спасателей и жрецов, с одной стороны, и ритуалы осквернения и наказания виновных, с другой. Даже когда все понимают, что бедствие или катастрофа произошли не из-за злого умысла конкретного человека, не из-за его халатности, культурная ситуация требует поиска виновного и его наказания, требует жертвы отпущения. Осквернение виновных является одним из аспектов сакрализации невинных жертв и неявным аспектом ритуального очищения представителей государства, имевших отношение к кризису: доказательство вины одних лиц неявно выступает декларацией невинности других. Именно это происходит в современных медиа, когда память о жертвах (пострадавших, заложниках, ликвидаторах аварий и их близких) и жрецах (священниках, военных, представителях государства) очищается, а память о преступниках и террористах оскверняется. Вместо разноцветной или серой картинка становится чёрно-белой: очернение одних (виновных) всегда связано с обелением других (невинных). Суд над виновными и их наказание — это завершающий этап современного комплекса аналогов жертвоприношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Аварии на Чернобыльской АЭС исполняется 30 лет // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3237411> (дата обращения: 08.11.19).
2. *Алексиевич С. А.* Чернобыльская молитва: Хроника будущего / Светлана Алексиевич. — Москва : Время, 2019. — 352 с.
3. *Алленова О.* Форпост. Беслан и его заложники / Ольга Алленова. — Москва: Индивидуум, 2019. — 278 с.
4. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Составитель Л. Ш. Рожанский. — Москва : Наука, 1988. — 335 с.
5. Доклад Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств совершения террористического акта в городе Беслане Республики Северная Осетия – Алания 1 – 3 сентября 2004 года. Москва, 2006 // Правда Беслана. Сайт общественного расследования событий в Беслане. URL: <http://pravdabeslana.ru/dokladtorshina221206.pdf> (дата обращения: 08.11.19).
6. *Жирар Р.* Козел отпущения / Рене Жирар ; пер. с фр. Г. Дашевского ; предисл. А. Эткнда. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — 336 с.
7. *Жирар Р.* Насилие и священное / Рене Жирар ; пер. с фр. Г. Дашевского. Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 400 с.
8. Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 27.12.2018) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=314848&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9143169556155679#03065275385114077> (дата обращения: 08.11.19).
9. *Иваненко Е. А.* Характеристики «жертвенного тела» в горизонте биополитики и ин-формационных технологий (на материале современных фантастических блокбастеров) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2019. № 1 (25). — С. 31–54.
10. *Кара-Мурза В.* Сложно ли было осветить трагедию в Беслане российским журналистам? // Радио Свобода. 02.09.2009. URL: <https://www.svoboda.org/a/1812985.html> (дата обращения: 07.11.19).
11. *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии / Эдмунд Лич ; пер. с англ. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 142 с.
12. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон ; пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Р. Черемиссиновой. — Москва : АСТ : Хранитель, 2006. — 873 с.
13. *Миронова К.* «Вероятность аварии полностью исключить нельзя». “Ъ” опросил экспертов о возможности повторения чернобыльской катастрофы сегодня // Коммерсантъ. 22.06.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4006714> (дата обращения: 08.11.2019).
14. *Мосс М., Юбер А.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного / М. Мосс ; пер. с фр. под ред. И. В. Утехина. — Санкт-Петербург : Евразия, 2000. — 448 с. URL: <https://docplayer.ru/46897712-Marsel-socialnye-funkcii-svyashchennogo.html> (дата обращения: 21.10.19).
15. Освящен первый храм-памятник, посвященный героям-чернобыльцам // Вера. Христианская православная газета Севера России. 11.10.2017. URL: <https://vera-eskom.ru/2017/10/osvyashhen-pervyy-khram-pamyatnik-posvyashhe/> (дата обращения: 08.11.19).
16. *Резниченко А.* Чернобыль: ложь и правда спустя 30 лет // РИА Новости. 22.04.2016. URL: <https://ria.ru/20160422/1416978532.html> (дата обращения: 21.10.2019).
17. *Савчук В. В.* Жертва настоящего времени // Международный журнал исследований культуры. — 2017. — № 4 (29). — С. 6–17.

18. Сериков А. Е. Значение слов *victim* и *sacrifice* и возможные способы трансформации образов пострадавших в образы сакральных жертв (на материале параллельного английского подкорпуса НКРЯ) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2019. — № 1 (25). — С. 55–72.
19. Сериков А. Е. Историческая трансформация смыслов самопожертвования // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. И. В. Демин. — Самара : Самарская гуманитарная академия, 2017. — С. 104–112.
20. Сериков А. Е. Ритуальное самоубийство как прототип самопожертвования // Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам: материалы Всероссийской конференции с иностранным участием. Самара, 12-14 сентября 2017 года / под общ. ред. М. А. Корецкой. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. — 264 с.
21. Сериков А. Е. Смыслы самопожертвования и его прототипы в традиционной культуре // Международный журнал исследований культуры. — 2017. — № 4 (29). — С. 104–112.
22. Сериков А. Е. Состояния и обстоятельства самопожертвования, описанные в русской литературе XIX–XXI вв. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». — 2017. — № 2 (22). — С. 31–42.
23. Список заложников, находившихся в школе № 1 г. Беслана 1-3 сентября 2004 года // Беслан. Три года спустя... 1.09 – 3.09. 2004 г. Сборник материалов: факты, цифры, комментарии... / ред. С. Кесаев ; автор-сост. И. Тотоонти. Владикавказ, 2007. URL: http://www.pravdabeslana.ru/trigoda/spisok_z.htm (дата обращения: 08.11.19).
24. Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и предисл. В. А. Бейлис. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.
25. Чернобыль. Выступление М. С. Горбачёва 14 мая 1986. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8Ro284RmXxE> (дата обращения: 07.11.19).
26. Чернобыль: Мифы и факты // ТАСС / ред. Мария Сметанникова. URL: <https://tass.ru/spec/chernobyl> (дата обращения: 07.11.19).
27. Шамиль Басаев уничтожен в Ингушетии // РБК: URL: <https://www.rbc.ru/society/10/07/2006/5703c1429a7947dde8e084ee> (дата обращения: 08.11.19).
28. Яблоков А. В., Нестеренко В. Б., Нестеренко А. В., Преображенская Н. Е. Чернобыль: последствия Катастрофы для человека и природы. 6-е изд-е, доп. и перераб. Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2016. — 826 с. URL: https://www.yabloko.ru/files/chern_8_vsyaz_kniga_25_marta.pdf (дата обращения: 08.11.19).
29. Carrasco D. 2013. Sacrifice/Human Sacrifice in Religious Traditions // The Oxford Handbook of Religion and Violence / Eds. Mark Juergensmeyer, Margo Kitts, and Michael Jerryson. — Oxford and New York: Oxford University Press, 2013: 209-235. URL: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/34814073/Carrasco_Sacrifice1%20%282%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 19.10.19).
30. Human sacrifice // Encyclopaedia Britannica. Aug 26, 2019. URL: <https://www.britannica.com/topic/human-sacrifice> (дата обращения: 19.10.19).
31. McClymond, K. Beyond sacred violence : a comparative study of sacrifice / Kathryn McClymond. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2008. — 216 p.
32. Sacrifice and Offerings // The Encyclopedia of Religious Rites, Rituals, and Festivals / Ed. by Frank A. Salamone. — New York, London: Routledge, 2004. — 484 p.
33. Waugh, W. L. Jr. Terrorism as Disaster // Handbook of Disaster Research / Ed. by Rodriguez H., Quarantelli E.L., Dynes R. - New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2007. — 611 p. P.388-404. URL: https://zodml.org/sites/default/files/%5BНавидан_Rodriguez%2C_Enrico_L._Quarantelli%2C_Russell_0.pdf (дата обращения: 05.11.2019).